

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

НОВАЯ РОССИЯ

КАКОЕ БУДУЩЕЕ
НАМ ПРЕДСТОИТ
ПОСТРОИТЬ

Взгляд ДЕЛЯГИНА

Новая политика (Питер)

Михаил Делягин

**Новая Россия. Какое будущее
нам предстоит построить**

«Питер»

2016

УДК 327
ББК 66.4(2)

Делягин М. Г.

Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить /
М. Г. Делягин — «Питер», 2016 — (Новая политика (Питер))

ISBN 978-5-496-02157-9

Более четверти века национального предательства мы жили в тени «старшего брата», стараясь заимствовать у него все, что было в наших силах. Но Запад как великая и продуктивная система был построен прошлыми поколениями, а нынешнее не более чем потребляет, не развивая, их достижения. Так же, как и мы потребляем достижения советской эпохи. И брать пример с сегодняшнего, деградирующего Запада просто не в чем. Мы как народ взрослеем после затянувшего детства, а точнее, инфантильности, вызванной катастрофическим уничтожением Советского Союза, и начинаем управлять своей судьбой и своим будущим. А это значит, что интерес к происходящим в мире кардинальным изменениям становится сугубо практическим. Трансформация человечества становится связанной не просто с нашим будущим и решениями, которые придется принимать каждому из нас в отдельности уже в ближайшее время, но и с выбором, который предстоит сделать России. Мы должны входить в будущее с открытыми глазами. Из книги вы узнаете: В чем будет заключаться глубинная трансформация экономики и какую роль в ней будут играть деньги? Возникнет ли наднациональное управление единым мировым рынком? Наступит ли Новое Средневековье и сохранятся ли сложные технологии? США, Китай, Россия, Глобальный Халифат – чем закончится конкуренция глобальных проектов? Как и по каким правилам мир будет выживать в глобальной депрессии? Что надо делать России, чтобы не проиграть битву за будущее? От успешности действий России зависит будущее человечества в глобальной депрессии.

УДК 327
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-496-02157-9

© Деягин М. Г., 2016

© Питер, 2016

Содержание

Предисловие. Почему мы взрослеем	7
Глава 1. Глубокая трансформация человечества	15
1.1. Как информационные технологии меняют образ деятельности и внутреннюю организацию социумов	17
1.2. Трансформация экономики: деньги теряют значение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

М. Делягин
Новая Россия. Какое будущее
нам предстоит построить

© ООО Издательство «Питер», 2016

© Серия «Новая политика», 2016

* * *

Предисловие. Почему мы взрослеем

Воссоединение России с Крымом, для большинства населения нашей страны произошедшее случайно, внезапно и помимо его воли, вызвало удивительно массовый и длительный эффект, который крайне наивно воспринимать, подобно многим даже разумным либералам, как слепую, полную и всеобъемлющую поддержку власти со всеми ее недостатками и вполне очевидными пороками.

Сделанные уже фольклорными 85 % граждан, которые заявляют о своей поддержке государства (и, по мнению российских либералов, честно выраженному ими на плакатах, являются их «единственной проблемой» в России) в связи с Крымом, отнюдь не поддерживают его разрушительную либеральную социально-экономическую политику. И если бы социологи задали вопрос о поддержке конкретных либеральных мер правительства и Банка России, они, скорее всего, получили бы почти такое же единодушие, но уже в их неприятии и даже протесте против них.

Россия поддерживает воссоединение с Крымом, благодарна за него и даже лучше стала относиться из-за него к власти, но отнюдь не забыла при этом о своих собственных повседневных интересах и не склонна прощать власти пренебрежение ими.

Правящая бюрократия добилась колоссального успеха: ей удалось представить последствия своих разрушительных действий исключительно как результат западных санкций (на самом деле породивших лишь незначительную часть социально-экономических проблем нашей страны), переложив на Запад ответственность за свою пагубную политику в духе кошмарных 90-х годов. Однако это отнюдь не сделало ее более симпатичной в глазах общества, не отмыло ее донельзя коррупционную репутацию и тем более не вызвало поддержки безумных мер почти во всех важнейших сферах общественной жизни, которые она продолжает предпринимать.

С другой стороны, прозападная либеральная оппозиция, последовательно, энергично и открыто выступившая против насущных и самоочевидных интересов нашего общества, не просто разоблачила себя в его глазах, но и окончательно вычеркнула себя из России, делом доказав свою полную несовместимость не просто с прогрессом, но даже с самим существованием нашей страны.

С упоением поддерживая украинский фашизм практически во всех его русофобских проявлениях, российские оппозиционные либералы совершили политическое самоубийство, но благодаря своему организационному единству с привластной частью либерального клана остались на поверхности общественной жизни, сохранив свои финансовые, организационные, информационные и политические ресурсы.

В результате они стали постоянным раздражителем, отвлекающим на себя общественное негодование и отводящим его от правящей бюрократии, укрепляя и поддерживая тем самым ее позиции.

Эта услуга дорогого стоит – и, как показали три года лишения свободы, полученные сорвавшим концерт Макаревича нацболом (что, например, в полтора раза больше, чем два года, полученные первоначально скандальными «Пусси Райот»), соответствующим образом оплачивается.

Понятно, что данная ситуация неустойчива: неуклонно и последовательно разрушая своей либеральной, обслуживающей интересы глобального бизнеса социально-экономической политикой общественную стабильность, правящая бюрократия неминуемо сорвет общество в новый страшный системный кризис.

Однако и он не заставит российское общество отказаться от справедливости и правильности воссоединения с Крымом, как от него на разные лады требуют политические лоббисты глобального бизнеса и их подголоски всех мастей.

Крым совершенно неожиданно стал фактором объединения представителей самых разных социальных слоев и групп, ассоциирующих себя с Россией и связывающих с ней свое будущее. Фактический отказ правящей бюрократии от последовательного и принципиального выражения российских национальных интересов и последовательного их продвижения, выразившийся в нелепых заигрываниях с нацистской по своей сути хунтой, приведенной к власти Западом в Киеве, лишь подчеркнул политическое одиночество подавляющего большинства россиян, лишенных своего сколь-нибудь внятного политического представительства.

Однако лишенное естественных и, казалось бы, совершенно необходимых скреп (хотя и не духовных) в лице подобного представительства, это большинство не рассыпалось, не распалось, не растворилось в хаосе разнообразных информационных поводов, соблазнов и часто весьма эффективных провокаций, из которых складывается современная общественная жизнь.

Это превращает его в фундамент для формирования адекватной этому большинству политической силы, которая (хотя она отнюдь не обязательно сможет сформироваться) получит все возможности прихода к власти и долгосрочного доминирования, однако в настоящее время сам феномен возникновения и поразительной устойчивости этого большинства значительно важнее его возможных политических следствий.

Мем «КрымНаш!» оказался столь устойчивым, потому что выражает восторг от приобретения отнюдь не имущества, но правоты, а это значительно более важно для всякого носителя русской культуры.

Российское общество в принципе не возражало против доводов либералов о затратности воссоединения с Крымом, о неизбежности отвлечения на него значительных нужных стране и ее гражданам государственных средств, о сравнительной незначительности приобретаемых вместе с ним материальных преимуществ, но лишь потому, что все эти доводы были для него сугубо второстепенными, не имеющими принципиального значения.

Крым оказался важен для России не сам по себе, но лишь в силу абсолютной вынужденности (при всей неожиданности воссоединения с ним) этого «приобретения» – и столь же абсолютного неприятия его Западом.

Более двух миллионов человек на вполне демократичном референдуме (проведенном как минимум не менее демократически и свободно, чем признанные Западом «выборы» на Украине, в Афганистане, Ираке и на многих других дестабилизированных им территориях) выразили свое желание воссоединиться с Россией.

Даже не обращающие внимания на юридические тонкости – вроде отсутствия в тот момент украинской государственности как таковой в силу осуществленного в Киеве (под руководством представителей США, при открытом и деятельном участии министров иностранных дел Германии, Франции и Польши) нацистского по своему духу государственного переворота – не могли не понимать справедливости этого референдума.

Он спас два миллиона человек от чудовищной резни (а столкновения с активистами крымско-татарских националистов под стенами Верховного Совета Крыма накануне его занятия ополченцами позволяли предположить, что она уже начиналась) и остановил поезда с нацистскими боевиками (с омерзительным цинизмом названные «поездами дружбы»), уже отправленными в Крым для практического осуществления террора.

Миллионы россиян, во время разжигания русофобской истерии на Украине подвергнувшиеся самым разнообразным оскорблениям в социальных сетях со стороны на глазах сведенных с ума представителей «братского народа», а потом вынужденные просто спасать своих живших на Украине родственников от террора захватывавших власть бандитских «летучих

отрядов», хорошо понимают, что воссоединение с Россией стало для Крыма спасением, которому не было альтернативы.

Ибо его насильственная украинизация неминуемо вызвала бы протест – и демонстративным сожжением недовольных заживо, как в Одессе, решить проблему не удалось бы. Крым неминуемо стал бы сопротивляться нацизму еще более решительно и энергично, чем Донецк и Луганск, и превратился бы в еще более страшный очаг гражданской войны с десятками тысяч жертв.

Поэтому воссоединение Крыма с Россией является для россиян не столько обретением новой территории или места для туризма и даже не столько естественным восстановлением исторической справедливости (как сказала пожилая крымская татарка, пережившая еще депортацию 1944 года, «русские не могли не вернуться, вопрос был лишь во времени»), сколько спасением более чем двух миллионов человек от нацистского террора. Принципиально важно, что спасение это оказалось осуществлено в полном соответствии с вдалбливавшимися в наши головы на протяжении жизни целого поколения западными ценностями – демократично, мирно и законно.

Воссоединение с Крымом, таким образом, стало для России не вопросом выгоды, а категорическим нравственным императивом, который оказался столь же категорически неприемлем для Запада – и по очень простой причине: он объективно означал укрепление России.

Вся юридическая, логическая и политическая казуистика, непрерывно извергаемая его представителями с момента воссоединения России с Крымом, все аналогии и аллюзии, вся мощь западной пропаганды не смогли прикрыть беспощадного в своей самоочевидности факта: Запад оказался в принципе неспособным признать правоту, что он считал невыгодным для себя.

А с учетом принципиальной значимости воссоединения с Крымом для России, неприемлемым для себя он счел простое существование нашей страны. Ведь допусти руководство России резню и гражданскую войну в Крыму с вероятным последующим вводом туда войск НАТО, оно доказало бы свою ничтожность настолько убедительно, что ему просто перестали бы подчиняться, – и страна бы рассыпалась. (Нечто подобное произошло бы, не останови Россия попытку геноцида мирного населения и истребления своих миротворцев, предпринятую в 2008 году саакашвилиевской Грузией в Южной Осетии.)

Таким образом, своим неприятием воссоединения России и Крыма Запад наглядно продемонстрировал каждому россиянину и российскому обществу в целом свое полное и принципиальное неприятие самого факта существования нашей страны.

Разумеется, представители нашего общества в массе своей не совершали подробных и развернутых умозаключений, подобных описанным выше, но ощущения от действий Запада и выступлений его представителей были совершенно однозначными и не оставляли никакого места для каких бы то ни было сомнений.

Нам предельно ясно и внятно дали понять, что для Запада хороший русский – это мертвый русский, и для того чтобы заслужить его похвалу или хотя бы нейтральное отношение к себе, мы должны умереть.

И это стало для нас в прямом смысле слова актом освобождения.

Разрушив свою страну в конце 80-х – начале 90-х годов и разочаровавшись под влиянием социально-экономического и политического кризиса в прежних коммунистических идеалах, наше общество приняло Запад в качестве не только образца для подражания, но и источника истины.

Открывавшиеся нам по мере познания Запада и взаимодействия с ним его недостатки, порочность и корыстность его политики, двуличие и периодическая демонстрация откровенной враждебности воспринимались как некие частности, часто болезненные, порой даже шокирующие, но не имеющие принципиального значения.

Мы воспринимали его правила и институты как некий непреложный образец, который должны правильно скопировать и перенести к себе (причем патриотически настроенная часть общества ограничивалась констатацией, что это копирование должно учитывать наши особенности, в первую очередь культурные).

Представители Запада, вне зависимости от своего желания, воспринимались нами как некие учителя, которым нужно подражать и в соответствии с примерами которых нужно строить свою жизнь.

Такова была цена нашего поражения в холодной войне, таковы были последствия чудовищной психологической травмы, полученной нами при агонии и гибели Советского Союза и в значительной степени не изжитой еще до сих пор.

Более четверти века национального предательства мы жили в тени «старшего брата», с оглядкой на него, стараясь заимствовать у него все, что только было в наших силах.

Аргументы в виде колбасы, автомобилей, демократии и порядка были слишком наглядны и очевидны для того, чтобы вдумываться во внутреннее устройство и закономерности Запада. Понимание того, что его благополучие основано на жесточайшей эксплуатации и подавлении всех остальных, кого он не считает собой (включая даже многие формально принятые в Европейский союз страны Восточной Европы), и что Россия не имеет ни малейшего шанса когда бы то ни было быть принятой в узкий круг «своих», оставалось доступным лишь достаточно узкому кругу специалистов.

Это же касалось и анализа нарастающих проблем развитых стран, включая неуклонное и при этом постоянно ускоряющееся размытие «среднего класса», начавшееся с момента уничтожения Советского Союза.

Но самое главное – восторгаясь потрясающими нас достижениями Запада в самых разнообразных сферах и наслаждаясь ими в туристических поездках, мы, как правило, просто не обращали внимания на то, что они были созданы или, как минимум, подготовлены не нынешним, а прошлым поколением жителей развитых стран – отцами, а то и дедами и прадедами тех, кто вальяжно и пренебрежительно поучал и все еще поучает нас, при этом (а порой и за счет этого) эффективно и безжалостно эксплуатируя наши ресурсы и возможности.

Сегодняшний Запад опирается на принципы, институты и законодательные нормы, созданные и внедренные в практику десятки лет назад. Меняя частности, он почти не создает нового, а когда создает, будь то расширенный Евросоюз и зона евро или предоставление меньшинствам юридических и материальных преимуществ, это вызывает серьезные сомнения и обоснованные тревоги.

Нынешнее поколение западных политиков потрясает своим доктринерством, безграмотностью, человеческой ничтожностью, с одной стороны, и безграничной самоуверенностью и апломбом – с другой. Они не способны брать на себя ответственность и производят впечатление плохих актеров, нанятых для игры в мыльной опере с постоянно переписываемым сценарием.

Запад как великая, мощная и продуктивная система был построен прошлыми поколениями политиков и обычных людей, а нынешние не более чем потребляют, не развивая, а порой и разрушая их достижения, так же, впрочем, как и мы потребляем достижения советской эпохи.

И брать пример с не позавчерашнего, а нынешнего деградирующего Запада просто не в чем.

Не говоря о том, что брать пример с нынешнего Запада оказывается невозможным просто технически – в силу глубоких ценностных различий.

Первым шоком, свидетельствующим о принципиальной, непреодолимой ценностной несовместимости России и Запада, стали сообщения о ювенальной юстиции. Сначала к ним относились как к некоему недоразумению или неизбежным издержкам правильного в своей основе дела (или вовсе как к сознательной лжи официальной российской пропаганды), но рост

числа случаев ее реализации и, главное, чудовищный опыт ее переноса на российскую почву показал ее абсолютное бесчеловечие и разрушительность.

Российское общество увидело, в том числе и на собственном горьком и кровавом опыте, что усиленно навязываемая ему толерантность на деле оборачивается беззащитностью добропорядочных граждан перед наглыми на глазах преступниками (и что то же самое происходит и на Западе). Назойливое же требование предоставлять меньшинствам исключительные права и истерический истошный вой об их обидах (частью придуманных, частью являющихся неизбежным результатом их образа жизни) часто прикрывают сексуальное растление детей и разрушение судеб молодежи.

На этом фоне мы начали с растущим изумлением осознавать себя носителями традиционных европейских ценностей, которые привыкли считать для себя труднодостижимым идеалом, в то время как недавний их носитель, Европа, на глазах отказывалась от них, выворачивала их наизнанку, превращая в свою противоположность, и даже демонстративно, с видимым удовольствием растаптывала их.

Реакция Запада на Крым окончательно стала моментом истины: мы увидели, что наш пусть и поблекший, но идеал, наш идол отказывает нам в самом праве на существование, и это является результатом не какой-то ошибки, недоразумения или непонимания, а самой его неотъемлемой сущностью.

И это значит, что тот, кого мы считали своим учителем, оказался неприемлем для нас.

Не плох и не хорош, а попросту несовместим с нами.

Мы не стали от этого лучше (точно так же, как и не стали хуже), и он тоже никак не изменился от нашего понимания.

Это означает только одно: что ученичество закончилось.

Слепое подражание, заимствование, идеализация более невозможны.

Мы ли доросли до учителя, он ли деградировал до нашего уровня или мы все это время смотрели на себя и него с неправильной точки зрения, не так уж и важно: важно, что теперь нам предстоит жить полностью своим умом.

Конечно, это не значит, что мы откажемся учиться у него и не будем использовать его опыт, но для нас он теперь навсегда стал всего лишь одним из многих возможных вариантов – и отнюдь не обязательно не то что подходящим нам, но и вовсе имеющим право на существование.

Освобождение от учителя, утрата готовых образцов, одиночество в принятии решений и полнота ответственности за них, свобода и связанные с нею опасности – это и есть взросление.

Взросление народа, которое, как и взросление человека, происходит отнюдь не по его воле, а в силу внешних объективных обстоятельств.

Мы как народ взроем после затянувшего детства (а точнее, инфантильности, вызванной катастрофическим уничтожением Советского Союза) и начинаем, пока еще только начинаем, робко, неумело и неуверенно пытаться управлять своей судьбой и своим будущим.

А это значит, что интерес к происходящим в мире глубоким, кардинальным и труднопредставимым обыденному сознанию изменениям из академического становится сугубо практическим. Трансформация человечества становится непосредственно связанной не просто с нашим будущим и решениями, которые придется уже в ближайшее время принимать каждому из нас в отдельности, но и с выбором, который предстоит нам в целом как обществу.

И чтобы принимать эти решения разумно и эффективно, надо готовиться к ним уже сейчас и, в частности, уже сейчас знать о своем будущем как можно больше – как минимум, знать свои возможности и объективные ограничения.

В качественном переломе, в глубокой трансформации, в которую мы входим вместе со всем человечеством, нас ждет прекрасный, яростный и интересный мир, но входить в него надо с открытыми глазами.

* * *

Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена анализу перспектив человечества в целом и российского общества как его неотъемлемой части в современном глобальном кризисе, который на наших глазах и с нашим непосредственным участием качественно меняет весь привычный нам характер социального, технологического и экономического развития.

Первая глава анализирует качественную трансформацию современного человечества под влиянием перехода от индустриального к информационному технологическому базису.

Подробно рассматриваются изменения в социальной и экономической жизни, отдельно изучается подлинная революция, происходящая в сфере ведения конкурентной борьбы.

Вторая глава объединяет наиболее значимые вопросы ближайшего развития современного человечества, на которые оно пока, насколько можно судить, не в состоянии найти однозначного ответа. Строго говоря, формы решения поставленных в этой главе проблем (или демонстрация неспособности найти их решения) и определяют не только облик нашего ближайшего будущего, но и всю повседневную жизнь следующего поколения.

Это вопросы продолжения технологического прогресса или начала длительного периода упадка и деградации технологий и знаний, сохранения или утраты сложных дорогостоящих технологий (в том числе жизнеобеспечения) в случае распада глобальных рынков на макрорегионы, характера и глубины этого распада, а также конкретных очертаний этих макрорегионов. Наконец, это вопрос о том, какими будут общие и специфические правила и закономерности выживания в предстоящей нам глобальной депрессии, и, что представляется немаловажным, рассмотрение самого предположения о сохранении каких бы то ни было общих правил в ее условиях.

Третья глава посвящена конкуренции значимых проектов мироустройства, столкновение которых и представляет собой, насколько можно судить, непосредственное содержание современной международной политики.

Сначала рассматриваются проекты, реализуемые представителями глобального управляющего класса, непосредственно связанными с США. Это прежде всего сохранение современного положения, при котором опирающиеся на мощь США глобальные элиты являются ключевыми игроками и одновременно главными арбитрами единого глобального рынка. Второй проект заключается в окончательной эмансипации глобальных элит от США и передаче управления сохраняющимся глобальным рынком неким непосредственно не связанным с США бюрократическим образованиям, которые будут учитывать их интересы просто как интересы наиболее значимого участника рынка. Третий проект глобальных элит заключается в распаде мирового рынка на макрорегионы, одним из которых будут США, с превращением обеспечения взаимодействия между этими регионами в главное занятие международной политики (значение которой, правда, существенно уменьшится по сравнению с нынешней) и в главное содержание глобального бизнеса.

Отдельно рассматривается проект исламского фундаментализма по созданию глобального халифата, инспирированный и последовательно поддерживаемый США во всех его реинкарнациях и на всех стадиях развития.

Подробно анализируются китайский глобальный проект, направленный на возвращение Китаю доминирующего места в мировой экономике, которое он занимал вплоть до самого конца XVIII века (когда, правда, экономика еще не была глобализированной), и ряд локальных проектов, способных приобрести глобальный характер в силу высокой значимости их участников.

Разумеется, описание проектов сопровождается анализом их ресурсной обеспеченности, взаимодействия и взаимоотношений с другими проектами и в конечном итоге – их реалистичности.

Четвертая глава книги представляет собой определение границ объективных возможностей России в условиях глобального кризиса на основе анализа текущей экономической, социальной и политической конъюнктуры, а также инвентаризации ее стратегических ресурсов и возможностей их использования. Отдельно рассматриваются внешние ограничения развития нашего общества с учетом их естественного и неизбежного изменения по мере вхождения человечества в глобальную депрессию.

Пятая глава на основе изучения специфики имеющихся материальных ресурсов и культуры выявляет особое место нашей страны и цивилизации в современном мировом развитии и сопоставляет глобальные вызовы и ограничения с объективными потребностями и возможностями нашего общества.

Шестая глава содержит описание комплекса конкретных мер, необходимых для успешного развития России в условиях глобальной депрессии. Эти меры отвечают требованиям, выработанным в предыдущих главах на основании изучения развивающихся в современном мире процессов, учитывают выявленные ограничения нашего развития и нацелены на максимальное использование открывающихся возможностей.

Они включают в себя необходимость коренной реструктуризации общества, осуществляемой лишь политическими инструментами, которая является объективным условием и необходимой предпосылкой проведения давно назревшей социально-экономической модернизации.

При этом политические и социально-экономические преобразования должны быть нацелены на глубокое обновление сильно деградировавшей в последние полвека культуры, на подлинную культурную революцию. Принципиально важно, что она может быть проведена и способна привести к долговременным реальным результатам лишь на основе устойчивого изменения самого образа жизни.

Исключительное глобальное значение российской модернизации подчеркивается **заключением**, в котором на основе анализа возможностей и ограничений, налагаемых на человеческое общество индустриальными и информационными технологиями, делается вывод о решающей роли России в определении перспектив всего человечества в условиях глобальной депрессии.

Выбор всего мира между срывом в новое Средневековье, новые Темные века и продолжением надломленной с уничтожением Советского Союза тенденции гуманизации, технологического и социального прогресса будет определяться именно провалом или успехом российской модернизации, так как все остальные значимые факторы, как представляется, находятся в примерном равновесии.

* * *

Будучи искренне благодарным всем людям и организациям, способствовавшим написанию этой книги, автор прежде всего стремится выразить глубокую признательность:

- экспертам и сотрудникам Института проблем глобализации, неустанно анализирующим стремительно меняющийся мир во всем его головокружительном разнообразии и четко отслеживающим как базовые тенденции, так и их часто не поддающиеся прогнозированию изменения, а также представителям дружественных и сопряженных структур, способствовавшим подготовке этой книги;
- покойному академику РАН Олегу Тимофеевичу Богомолу, незадолго до своей смерти привлечшему внимание автора к современным аспектам теории конвергенции, которую последний до того момента наивно полагал канувшей в Лету;

- академику РАН Сергею Юрьевичу Глазьеву, работы которого о современной смене технологического базиса носят классический характер, а практические усилия по нормализации экономической и внешней политики России указывают направление действий для преодоления современного кризиса и обращения его на пользу нашему обществу;

- Андрею Ильичу Фурсову, члену Международной академии наук (Инсбрук), изыскания которого в области генезиса современного капитализма и непубличных структур управления представляются строго необходимыми для понимания современного развития человечества;

- Михаилу Леонидовичу Хазину, изучение и пропагандирование которым современного глобального кризиса делает этот кризис более понятным, дружественным и комфортным для всей его обширной аудитории; не исключено, что в конечном итоге его усилия помогут ей (или ее наиболее разумной части) минимизировать последствия кризиса;

- Владимиру Семеновичу Овчинскому, вице-президенту Союза криминалистов и криминологов, внесшему неоценимый вклад в изучение криминального аспекта глобализации и современного кризиса;

- Игорю Юрьевичу Сундиеву, вице-президенту Российской криминологической ассоциации, добившемуся впечатляющих результатов в исследовании современных социальных организмов и методов управления ими;

- Петру Валентиновичу Турчину, профессору Университета Коннектикута, без работ которого по перепроизводству элит понимание современного кризиса и перспектив человечества в нем не представляется невозможным;

- Владимиру Петровичу Ворожцову, первому заместителю председателя Российского комитета защиты мира, живым примером доказывающему ошибочность большинства алармистских подходов и прогнозов и внесшему значительный вклад в подготовку данной книги;

- Кириллу Андреевичу Фурсову, привлечшему внимание автора к проблеме реформаторства как специфической форме деятельности и, более того, конкурентной борьбы;

- и, наконец, *at last but not least* – редакторам, корректорам, менеджерам и руководству издательства «Питер», без подлинного героизма которых при общении с автором предлагаемая вашему вниманию книга, скорее всего, так никогда и не была бы написана.

Глава 1. Глубокая трансформация человечества

Глобальный кризис проявляется практически во всех сферах общественной жизни и является всего лишь простым псевдонимом глубокой, кардинальной трансформации, которую переживает современное человечество. Мы переходим в качественно новое состояние, но пока не можем представить себе его в полном объеме.

Одним из практически всеобъемлющих проявлений этого перехода представляется столкновение человечества с так называемым законом сохранения рисков. Его суть, подтвержденная многократными эмпирическими наблюдениями, заключается в том, что общая величина рисков в замкнутой системе примерно постоянна, и потому **снижение индивидуальных рисков** значимого числа элементов этой системы **неминуемо ведет** к перекалыванию этих рисков на более высокий уровень и, соответственно, **к нарастанию общесистемных рисков**. *В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, обеспечивает разрушение всей системы.*

Наиболее наглядно мир столкнулся с проявлением закона сохранения рисков в США в ходе обострения глобального экономического кризиса осенью 2008 года. Внешне это обострение проявилось в крахе производных ценных бумаг, спекуляции с которыми в предшествующие годы приобрели совершенно гомерический характер. Однако эти производные ценные бумаги, контроль за выпуском и оборотом которых был полностью утрачен американским государством, исходно были не спекулятивными инструментами, а инструментами страхования рисков инвесторов, их защиты от неопределенности рыночной стихии.

И на этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок – примерно в десять раз! – ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло инвесторам получать практически гарантированную доходность. Именно выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило (наряду с макроэкономической функцией) бурное развитие деривативов и, соответственно, раздувание спекулятивного финансового пузыря.

Именно это и привело к разрушительной реализации закона сохранения рисков: сведение индивидуальных рисков инвесторов к минимуму привело к неконтролируемому росту общесистемных рисков и в итоге – к обрушению всей системы.

Как это ни прискорбно, представляется, что в принципе аналогичные процессы развиваются и в других важнейших сферах человеческой жизни.

В частности, постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяя не просто выживать, но и жить все более полноценной жизнью даже самым больным людям, ухудшает тем самым генофонд человечества, существенно повышая системные, общечеловеческие риски за счет соответствующего снижения индивидуальных, личностных рисков.

Ухудшение генофонда проявляется, в частности, в распространении новых болезней, не поддающихся не только лечению, но порой и точному диагностированию, а также к заметному изменению психофизиологических характеристик населения некоторых наиболее благополучных стран Европы.

Закон сохранения рисков реализуется и в педагогической сфере: все более тщательно ограждая детей от всех мыслимых и немыслимых опасностей, создавая им максимально комфортное детство, развитые страны уже столкнулись с той же проблемой, которая когда-то похоронила Советский Союз, – с появлением целого поколения поразительно инфантильных людей, в силу полученного воспитания не желающих и не способных принимать решения и отвечать перед собой и своими семьями за их последствия.

Наконец, пугающим фактором проявления закона сохранения рисков в общепланетарном масштабе в настоящее время представляется существенное изменение климата. *Сейчас уже ясно, что картина значительно сложнее вульгарного глобального потепления, которым нас привыкли пугать. На самом деле происходит именно изменение климата, различное в разных регионах планеты: мягкий климат становится мягче, континентальный – континентальнее, и эта картина дополняется спорадическими аномалиями вроде сильных холодов в традиционно теплых районах.*

Обеспечивая индивидуальный комфорт своих членов, человечество, насколько можно судить, нарастило производство энергии до такого уровня, когда оно нарушило климатический баланс планеты и создало качественно новые глобальные риски, масштабы которых в настоящее время не поддаются оценке доступными нам средствами.

На наших глазах развитие человечества отягощается целым рядом негативных явлений:

- ростом количества и разрушительности стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации человечества;
- увеличением числа не поддающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний;
- ухудшением психологического состояния значимых масс людей;
- наглядным и повсеместным падением качества управления;
- ростом числа разнообразных вооруженных конфликтов.

Каждое из них по отдельности имеет свое собственное, отличное от других, связанное исключительно с соответствующей сферой человеческой деятельности и при этом вполне рациональное объяснение.

Однако в целом они складываются в картину системного нарастания неблагополучия, свидетельствующую об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. **Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к какой-то новой модели такого взаимодействия**, которая еще непонятна для нас, но может потребовать весьма существенных и в силу этого, скорее всего, весьма болезненных изменений привычного нам образа жизни.

Нельзя исключать и **опасности деструкции неспособного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества**, то есть **значимого упрощения его внутренней организации, десоциализации уже на планетарном уровне**, а не только в рамках отдельных обществ.

1.1. Как информационные технологии меняют образ деятельности и внутреннюю организацию социумов

Главное в глобализации – принципиальное изменение предмета труда.

Важной и обычно забываемой особенностью глобализации является коренное изменение характера деятельности человечества. Те же самые технологии, которые беспрецедентно упростили коммуникации, превратили в наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, само по себе это не новость. На некоммерческой основе технологии формирования сознания применяются в виде пропаганды большинством государств мира (в том числе отнюдь не тоталитарными) и подавляющим большинством религий почти на всем протяжении их существования. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования сознания до такой степени, что они стали практически общедоступны и начали окупаться в краткосрочном, а не долгосрочном плане.

«Наиболее рентабельный из общедоступных» означает «наиболее массовый»: вот уже скоро поколение как основным видом деятельности бизнеса является изменение сознания потенциальных потребителей. В результате изменением нашего сознания занимается не национальное и даже не порожденное конспирологически воспаленным воображением злое мировое правительство (принципиальная невозможность появления которого будет показана ниже), а едва ли не каждый фабрикант собачьих консервов. Забыты времена, когда товар приспособляли к предпочтениям потребителей: гораздо рентабельней оказалось приспособить едока к пище, а не наоборот.

Тот, кто не делает это или делает недостаточно эффективно, давно – самое позднее 15 лет назад – вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без PR-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, – людей к уже имеющемуся товару.

Преобразование в наиболее эффективный и потому повсеместно распространенный бизнес формирования сознания – это подлинная революция во всем образе жизни современного человечества, революция, произошедшая на наших глазах и с нами самими и тем не менее оставшаяся практически незамеченной. Она кардинально повышает эффективность производства, качественно меняет международные взаимоотношения и мировую конкуренцию. Однако целиком ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны вообще, так как главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания – как коллективного, так и индивидуального.

Естественно, даже начало столь грандиозного качественного перехода не могло обойтись без комплекса разноуровневых, но взаимоувязанных кризисов, среди которых ключевое место занимает кризис управления, приобретающий тотальный характер.

Деграция управления обусловлена объективно

Современные системы управления, участвующие в глобальной конкуренции, просто вынуждены использовать в своей повседневной деятельности технологии формирования сознания – как наиболее эффективные технологии управления. Между тем **органическое несоответствие систем управления**, сформировавшихся в целом еще в прошлой, в лучшем случае индустриальной реальности, **используемым ими технологиям** не просто снижает их эффективность, но и **ведет к подлинному перерождению этих систем.** *(Впрочем, оно*

является лишь одним из направлений перерождения, структурной перестройки всего человечества под влиянием новых, на сей раз информационных технологий.)

Повсеместно и вынужденно используемые современным управлением технологии формирования сознания, насколько можно судить, как правило, отрывают его от повседневной реальности, в том числе касающейся управляемых им масс людей, и освобождают, хотя бы морально, от ответственности перед последними. *При этом личные интересы людей, непосредственно образующих управляющие системы, разумеется, в целом сохраняются в своей обособленной неприкосновенности.*

Конкретные последствия этого с точки зрения традиционного государственного и корпоративного управления (а также самоуправления на глобальном и местном уровне) многообразны, однако наиболее значимыми (и при этом, как ни печально, разрушительными) представляются следующие:

- *самопрограммирование*: управленец и система управления в целом, убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания по самой своей природе заключается прежде всего в убеждении), неминуемо убеждают в этом и себя самих, что ведет к потере ими адекватности уже в среднесрочном плане;

- *уверование в собственную пропаганду*, даже если в начале ее осуществления управленцы и система управления в целом прекрасно сознавали ее частичность и недостаточность (это основной принцип пропаганды), а то и содержательную недостоверность;

- переход от управления изменением реальности к *управлению изменением* ее массового восприятия, что является крайне эффективным в краткосрочном плане и вполне самоубийственным уже в плане среднесрочном, так как делает неадекватными уже не только самих управленцев, но и широкие массы управляемых ими людей;

- принципиальный *отказ от восприятия реальности* в пользу восприятия ее информационного отражения (в первую очередь в СМИ), что порождает дурную бесконечность закольцованной обратной связи и завершается порой полной утратой связи управляющей системой каких бы то ни было связей с реальностью, а следовательно – и адекватности;

- резкое *снижение уровня ответственности* самой управляющей системы: работая преимущественно с телевизионной «картинкой» и общественными представлениями (а в последнее время все больше и с реакциями в социальных сетях), управленец неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет и на реальную жизнь людей.

Последнее особенно важно, так как **безответственность управляющих систем** не остается их исключительным «достоянием»: она **в полной мере воспринимается обществом и, более того, становится в нем нормой**. *Ведь эффективность технологий формирования сознания повышает влияние тех, кто их применяет, а никакой «платы за могущество» попросту не существует; человек, формируя сознания других, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственность, могущество и постоянная радость от работы становятся объектом подражания для обычных членов общества, не имеющих доступа к технологиям формирования сознания: однако из всего этого набора им по вполне объективным причинам доступно лишь подражание безответственности.*

Феерическим примером проявления безответственности как новой массовой культуры наиболее передового из современных обществ – американского – до сих пор представляется победа Обамы на президентских выборах 2008 года.

Причина этой победы заключается, насколько можно судить, далеко не только в изолированных и сверхэффективных избирательных технологиях, хотя подобно тому, как Рузвельт первым в полной мере использовал коммуникационные и пропагандистские возможности радио, а

Кеннеди – телевидения, Обама (точнее, его команда) впервые использовал политические возможности Интернета и возникших в нем социальных сетей.

Причина победы Обамы (как в нашей стране – причина победы горбачевско-яковлевской «перестройки, демократии и гласности») далеко не сводится и к отрицанию вплотную подошедшей к банкротству, да и просто надоевшей старой культуры управления, слишком наглядно не соответствующей реалиям и потребностям эпохи всеобщего применения технологий формирования сознания.

В настоящее время представляется совершенно очевидным, что порыв американского общества к новому, к «переменам ради перемен» без каких бы то ни было внятных содержательных целей неотделим от принципиального отрицания все большей частью этого общества ответственности как таковой.

Да, американская трагедия 2008 года заключалась в том, что великий народ, сформировавшийся в прямом симбиозе с самой современной демократией, и в прямом смысле «великое общество» было вынуждено выбирать между двумя кандидатами, равно не способными руководить им (хотя и по диаметрально противоположным причинам).

Однако и само возникновение такого выбора, и итоговое предпочтение политического шоумена, не имеющего опыта практического руководства, неотделимы от принципиального отрицания этим обществом ответственности как таковой.

Победа Обамы стала подлинным «праздником непослушания», публичным торжеством инфантильного в американском национальном характере. Без отрицания самой идеи ответственности это было бы невозможно, и, как показано выше, данное отрицание отнюдь не являлось исторической случайностью.

Тотальное, охватывающее все общество сверху донизу снижение ответственности и даже последовательный отказ от нее не только как практики, но и как доминирующей идеи, как объединяющей цели и, более того, превращение отказа от ответственности в норму общественного поведения при одновременной глубокой эрозии адекватности управляющих систем представляется поистине гремучей смесью. Насколько можно судить, она способна разрушить любое, самое развитое, могучее и устойчивое общество.

С разной степенью остроты описанные выше последствия наблюдаются почти во всех управляющих системах, включая такие страны с совершенно разными, но наиболее эффективными в современном мире системами управления, как США и Китай, – и везде ведут к драматическому падению качества управления.

То, что это правило действует повсеместно и неумолимо вне зависимости даже от самых глубоких цивилизационных различий, свидетельствует о его фундаментальном, базисном для современного этапа развития человеческой цивилизации характере.

Так, например, китайская система управления уже несколько десятилетий заставляет весь мир поражаться не только ее эффективности и ответственности, но и гибкости и изобретательности, которые являются по меньшей мере странными качествами для столь масштабной и иерархичной системы.

Однако и для китайского руководства, насколько можно судить, оказались полной неожиданностью не только «тюльпановая революция» в Киргизии (рассматриваемой им как естественная сфера своего влияния), но и волнения буддистских монахов в Тибете в августе 2008 года, и попытка мятежа в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2009 году.

Сокращение внешнеторгового сальдо Китая под влиянием экономического кризиса ограничило его возможности поддержки доллара и вынудило кредитовать значительную часть внешней торговли в юанях, **создавая тем самым прообраз «зоны юаня», как минимум, в Юго-Восточной Азии.** Поразительно, что эти объективно выгодные для Китая процессы развиваются в целом стихийно, под действием объективной необходимости, а не осмысленного

решения (которого так и не удалось выработать в ходе многолетних дискуссий), что также свидетельствует о внутреннем кризисе китайского управления.

Еще более драматическая картина наблюдается в США – стране, еще совсем недавно возведшей искусство стратегического планирования и кризисного управления (то есть управления тем или иным процессом при помощи специально организуемых кризисов), казалось бы, на недостижимую высоту. Еще летом 2001 года эта система демонстрировала мышление – в прямом смысле слова – на поколение вперед. Однако, начиная с агрессии против Ирака в 2003 году, мы видим постепенную, но **неуклонную деградацию американской государственной системы стратегического управления, стремительно – за 2000-е годы – выродившуюся в «ситуативное реагирование»** в стиле российского МИДа с **горизонтом планирования «до следующих президентских выборов»**.

Об этом свидетельствует вся экономическая политика после начала ипотечного кризиса в июле 2006 года, подчиненная единственной цели – не напугав американское общество, оттянуть прокол «ипотечно-деривативного пузыря» и, соответственно, дестабилизацию экономики до президентских выборов 2008 года. Бесспорно, что **постановка данной цели заметно усугубила последствия кризиса, и при этом ее все равно не удалось достигнуть!**

Скорость деградации американской системы управления производит шокирующее впечатление: как показывает опыт 11 сентября и реакция на него, не только в начале и середине, но еще и в конце 2001 года американские стратегические аналитики мыслили поколениями. А уже менее через пять лет горизонт их видения сузился до следующих президентских выборов, что в то время означало два с четвертью года!

Логика уступает место внелогическому мышлению

Управленческий кризис, насколько можно судить, порожден далеко не только вынужденным использованием управляющими системами чуждых им технологий формирования сознания. Он представляется в настоящее время проявлением значительно более глубокого, фундаментального процесса – кризиса привычного и, более того, кажущегося нам единственно возможным способа систематического мышления – логического мышления как такового.

Повсеместное применение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательных логических умозаключениях, а на озарениях, на мышлении не последовательно вытекающими один из другого тезисами, но отдельными образами, появление которых современный человек (возможно, лишь пока) не в силах контролировать.

Причина проста: компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, объективно недоступного обычному человеку, примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. *Поколение нынешних сорокалетних еще застало время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик. Однако в современной жизни это не такое уж и простое умение практически не востребовано: арифметические функции значительно лучше и надежнее человека выполняет калькулятор, а человеку остается лишь правильно сформулировать задачу.*

Таким образом, калькулятор убил арифметику как предмет изучения и поле для конкуренции. Точно так же компьютер уже в обозримом будущем – скорее всего, уже в ближайшее десятилетие – поступит с формальной логикой.

Эпитафия изобретателю знаменитого револьвера гласит: «Господь Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными». **Интернет**, как когда-то револьвер Кольта, тоже практически **уровнял людей**: уже не по их физическим силам, но **по доступу к информации**.

Вскоре персональный компьютер уравнивает их и по логическим способностям, а точнее – по возможности использования логических операций .

Это будет означать, что человек вынужден будет сконцентрировать свои усилия на принципиально недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой по вполне объективным причинам сохранится исключительная «человеческая монополия» – мышлению не логическом, но творческом. Соответственно, и **конкуренция людей** в рамках тех или иных коллективов и целых обществ **будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления .**

Это означает, что наибольшего успеха в конкуренции – как внутри обществ, так и в глобальном масштабе – будут достигать творческие люди и коллективы, в которых доля таких людей будет максимальна, а сами они будут играть наиболее значимую роль.

И все бы ничего – согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, – если бы не общеизвестный медицинский факт: к творческому труду максимально приспособлен, скажем так, неуравновешенный тип личности. В общем случае (который лишь подтверждается исключениями) творчество неразрывно связано с психологической неустойчивостью, которая является своего рода обратной стороной медали.

И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни подтверждают это весьма убедительно.

А вот теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца – трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов – станет в условиях отнюдь не далекого будущего объективным требованием повышения эффективности и конкурентоспособности!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, определявшейся не информационными, но индустриальными технологиями, в принципе не соответствуют этим условиям. Мы можем утешать себя тем, что «потребность рождает функцию» и, соответственно, управляющие системы приспособятся к новым требованиям, кардинальным образом изменившись (правда, вопросы цены, длительности и разрушительности этого изменения по-прежнему остаются открытыми).

Однако поскольку именно система управления непосредственно задает принципы организации человеческого общества и саму его структуру, принципиальное изменение ее характера будет означать и **принципиальное изменение самого общественного устройства, а значит, и всей нашей жизни.**

* * *

Со спекулятивной точки зрения представляется безусловно интересным гендерный аспект рассмотренного процесса: наличие двух выраженных типов мышления – мужского, ориентирующегося в основном на формальную логику, и женского, оперирующего преимущественно образами (это различие, в частности, выражается афоризмом «Мужчина узнает, женщина знает»).

Качественное повышение роли творческого, образного мышления, насколько можно судить в настоящее время, неизбежно приведет и к повышению социальной роли женщины, возможно, вплоть до завершения длительного периода мужского доминирования и возникновения второго матриархата.

Биологизация конкуренции

Представляется принципиально важным, что в настоящее время способности к творчеству в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции внутри

человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяются врожденными, а не приобретенными свойствами личности.

Безусловно, творческие способности тоже можно развить, но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами. Роль генетического фактора в способности к творчеству значительно выше социального (по крайней мере на современном уровне развития педагогики).

Это означает, что конкуренция людей между собой и социальный статус каждого из них, как минимум, еще в течение достаточно длительного времени (пока педагогика не научится развивать способности к творчеству так же, как она сейчас развивает логические способности) в значительно большей, чем раньше, степени будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.

Качественное снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого «общественного животного», каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между личными способностями отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте будет качественно усилено и приобретет трудно представимую сегодня остроту.

Понятно, что все силы общества будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей; и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи. Однако человечество вряд ли научится развивать творческие способности так же хорошо, как оно научилось развивать логические, хотя бы потому, что скорость социальных изменений оставляет ему очень мало времени для этого. Как только логика станет общедоступной и конкуренция сконцентрируется в поле творческих способностей, **социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических** по своей сути **параметров**.

Стихийность творчества и реализации творческих способностей означает, что отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет творцом своей судьбы.

Произойдет, по сути дела, биологизация человеческого общества и конкуренции в нем; врожденная способность (или неспособность) к творчеству будет определять социальный статус молодого человека значительно сильнее образа жизни (в основном, конечно, богатства или бедности) его родителей.

Профессиональная специализация людей (и тем более их социальный статус) значительно сильнее, чем сейчас, будет определяться сугубо биологическими факторами, которые мы сегодня в силу неумения их разделить обобщенно именуем способностью к творчеству. Человеческое общество начнет напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого во многом определено от рождения, а **значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя**.

Открытым вопросом представляется соотношение биологического и социального в социальной конкуренции. Очевидно, что более успешные и более обеспеченные люди, сформировавшие элиту (и особенно новую, уже творческую элиту, которой предстоит разрушить и преобразовать сегодняшние системы управления), будут защищать высокий социальный статус своих детей вне зависимости от их творческих способностей. В этом им помогут биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера». *(Значимость последнего нельзя недооценивать: для заботы о своей жизни и жизни своих детей необходимо осознание ее ценности, а элиты обычно стремятся к ограничению самосознания управляемых как для поддержания своего лидерства, не говоря уже о власти, так и для упрощения процесса управления.)*

Если технологии будущего *high-hume*¹ не смогут пробуждать творческие способности так же надежно и массово, как сейчас они пробуждают логические способности, социальная система будет неустойчивой из-за неизбежной деградации творческого (то есть наиболее значимого) потенциала элит.

Изъятие из социальных низов творческих людей и принятие их в элиты (по принципу современных США) во многих цивилизациях не сможет решить проблему, так как наиболее значимые позиции все равно неминуемо будут заняты деградирующими представителями «старой» элиты. Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут оставаться не более чем высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что достаточно быстро превратит их в контрэлиту. В неизбежной борьбе за власть она сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли (возможно, скрытым проявлением, а точнее, предтечей этой формирующейся тенденции является Барак Обама).

Если же биотехнологии смогут пробуждать в людях творческие способности в нужных системе управления масштабах, они будут применяться в первую очередь к детям элиты, которая в результате этого окончательно освободится от всякой зависимости от основной части общества и фактически «закуклится». Ее задачей будет поддержание жизнеспособности лишь небольшой части общества, нужной для его жизнеобеспечения (*в этом принципиальное отличие информационных технологий от индустриальных, которое будет рассмотрено ниже*). Остальная масса людей будет биологизироваться, теряя человеческий облик, по образцам, наблюдаемым в трущобах мегаполисов Африки и Латинской Америки, превращаясь из «человека разумного» в «человека фавел», жизнь сообществ которого описывается не столько социальными, сколько биологическими характеристиками.

Будущее каждой цивилизации при столкновении с описанным вызовом будет определяться степенью ее внутренней демократичности и, с другой стороны, наличием или отсутствием осознаваемой ее членами той или иной сверхзадачи, принуждающей представителей ее элиты отбросить или по крайней мере существенно ограничить свой естественный социальный эгоизм.

В недостаточно демократичных культурах в отсутствие такой сверхзадачи в результате может произойти практическая реализация многочисленных антиутопий прошлого. Произойдет фактическое разделение соответствующих обществ на расы господ, обслуживающего персонала и утилизируемого избыточного человеческого материала (*масштабный опыт подобной социальной утилизации, помимо отдельных несистемных выплесков вроде режима Пол Пота, поставлен на территориях Африки, Латинской Америки, а совсем недавно – бывшего Советского Союза, в том числе и в России*). Однако по социальным причинам такая система вряд ли сможет просуществовать достаточно долго: вторичная социализация «человека фавел» выйдет из-под контроля расы господ и, скорее всего, уничтожит ее.

Единство общества (если оно сумеет выстоять в условиях конкуренции с соседями) или всего человечества (если описанная модель окажется общей для него) при этом будет восстановлено, как и при всяком нашествии варваров, ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резкого снижения уровня гуманизации общества.

¹ *High-hume* – современные эффективные технологии, направленные на преобразование человека – как его сознания, так и его тела. Наиболее традиционные сферы практического применения – управление, педагогика и здравоохранение. Термин введен по аналогии с *high-tech*, под которым понимаются современные эффективные технологии, направленные на преобразование окружающей природы.

Новые принципы организации общества

Представляется принципиально важным, что снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, базирующегося на образах (это касается и творческого, и мистического его типа), создает ряд уже вполне ощутимых общественных проблем. В силу своей парадоксальности для нашего в основном пока еще по-прежнему логического сознания они воспринимаются, как правило, не как базовые закономерности, а как случайные досадные флуктуации, и потому, соответственно, не анализируются должным образом.

Прежде всего следует с беспощадной ясностью понимать: все более очевидные, нарастающие даже в единой культурной среде проблемы с коммуникациями являются вполне закономерными, а отнюдь не случайными и сами собой преходящими явлениями. Причина этого достаточно проста: внелогическое мышление по самой своей природе попросту не имеет того единого, универсального языка для взаимодействия разных типов сознания, которое дает логика. Оно оперирует преимущественно образами, а образы у каждого свои.

Это нарушение настолько привычной для нас коммуникативной среды, что мы не осознаем ее как нечто отличное от самих себя, особенно значимо с учетом того исключительного значения, которое играет язык для формирования и развития личности, а единый общественный язык – для ее социализации. По сути дела, исчезновение единого универсального языка может привести через некоторое время и к распаду основанной на нем второй сигнальной системы, что может иметь весьма глубокие последствия не только для облика и образа действия, но даже и для самого существования человечества как такового.

Пока же мы наблюдаем намного более поверхностные, но тем не менее по-прежнему не признаваемые нами как новые долгосрочные закономерности, изменения.

Прежде всего указанным изменением является широкое распространение такой формы самоорганизации общества, как секты, объединяющие людей на основе некритичного восприятия того или иного явления. Этим объединяющим фактором может служить личность (причем любая – как политика, так и предпринимателя, и деятеля культуры, и, разумеется, религиозного проповедника), или какое-либо событие (в том числе и вымышленное), или та или иная поведенческая практика, включая сексуальные и финансовые виды таких практик.

Демонстрирующие способность к критическому мышлению во всех остальных сферах деятельности люди, систематически принимающие рациональные решения и вполне успешные во всех сферах жизни, объединяются вокруг того или иного, в общем случае производящего впечатление совершенно случайного, провала в логике.

Это кажется странным, нелепым, пугающим и дискредитирующим человека как такового событием, но объединение людей в секты на глазах становится массовой практикой их социализации, по сути дела заменяющей прежнюю, свойственную индустриальной эпохе социализацию, основанную на разнообразных клубах по интересам и политических партиях.

Данная трансформация весьма существенным образом меняет не только структуру, но и базовые принципы самоорганизации общества и, вероятно, уже в обозримом будущем качественно изменит многие его значимые характеристики.

Другим уже ставшим вполне очевидным принципиально важным общественным изменением представляется в настоящее время кардинальный рост значения эмоций в противовес интересам даже в осмысленной части поведения людей. В самых разных условиях люди все чаще вполне осознанно жертвуют своими интересами, в том числе и исключительно значимыми для себя, ради получения новых эмоций. *Это проявляется и в политике: партии и деятели, ориентирующиеся на удовлетворение насущных интересов масс, совершенно неожиданно для них самих обрекают себя этим на болезненные поражения. Побеждают же те, кто*

вовлекает избирателей в процесс сопереживания, пусть даже и заведомо бесплодный для них самих, но позволяющий им испытать новые эмоции.

Сенсорное голодание, еще совсем недавно бывшее специфической болезнью начальников и заключенных, на глазах превращается в повседневную норму жизни для относительно развитой части человечества, по крайней мере для жителей мегаполисов, и мы наблюдаем, как эмоции становятся для этой части все более явным приоритетом.

Нельзя исключить возможности того, что данное изменение не является неким фундаментальным переломом, а вызвано всего лишь гарантированным удовлетворением основных, наиболее значимых материальных и культурных потребностей современного человека, в результате чего то, что мы на основании тяжелого накопленного опыта привыкли считать неотъемлемыми интересами, постепенно утрачивает свою значимость в обеспеченном мире массового потребления. Если это предположение верно, то падение уровня жизни (в том числе и в результате утраты человеческим обществом поведенческой адекватности в виде массового отказа от своих интересов ради получения эмоций) с соответствующим социально-психологическим и экономическим шоком приведет к возврату привычной нам системы мотиваций. Однако пока этого не произошло, и ожидать подобного изменения в обозримом будущем, насколько можно судить, преждевременно.

Принципиально важно, что описанные поведенческие и вызывающие их глубинные изменения кардинальным образом меняют требования к управляющим системам, а те, как было показано выше, и без того находятся в полном смятении и резко понизили эффективность своей даже текущей, рутинной деятельности, что накладывает существенный отпечаток на все развитие современного человечества.

1.2. Трансформация экономики: деньги теряют значение

Неизбежность глобального кризиса

Глубина стремительно и неудержимо разворачивающегося на наших глазах мирового финансового кризиса систематически недооценивается исследователями и аналитиками из-за игнорирования его фундаментальной причины – истощенности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. В самом деле, после победы над нами в холодной войне Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (в сугубо прагматических целях, всего лишь для недопущения конкуренции с этими корпорациями) свыше половины человечества возможности нормального развития, – и вот теперь последствия этого не только разрушительного, но и саморазрушительного эгоизма постепенно начинают сказываться.

Принципиально важно, что освоением постсоциалистического пространства (а также стран третьего мира, привыкших успешно сохранять самостоятельность за счет иногда виртуозного балансирования между Западом и Советским Союзом) занимался именно бизнес, в первую очередь крупный бизнес, в то время оформленный в виде транснациональных корпораций.

Государства участвовали в этом процессе в лучшем случае крайне слабо не только в силу бюрократической инерции и неспособности своевременно оценивать изменения, хотя значимость этого фактора также ни в коем случае не следует преуменьшать. *(Своеобразной классикой жанра стал доклад ЦРУ, которое еще в 1990 году, в условиях фактически уже начавшегося распада Советского Союза, умудрилось совершенно серьезно предупредить президента США о том, что «демократизация и перестройка» представляют собой не более чем «хитрый план» всемогущего и всеведущего КГБ, призванный расслабить «свободный мир» и обострить его внутренние противоречия.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.